

Российский Дальний Восток

Организация хозяйственной деятельности китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (1920-1930-е гг.)

© 2009

О. Залесская

В 1920—1930-е гг. хозяйственная деятельность китайских мигрантов на Дальнем Востоке России подвергается существенной реорганизации — китайские трудящиеся активно вовлекаются в профсоюзы и кооперативы. В статье автор характеризует особенности развития профсоюзного и кооперативного движения в среде китайских мигрантов, анализирует роль кооперации и профсоюзов в процессе интеграции китайских мигрантов в социально-экономическую жизнь советского Дальнего Востока.
Ключевые слова: китайские рабочие, Дальний Восток России, профсоюзы.

Подписание в середине XIX в. между Россией и Китаем Айгуньского и Пекинского договоров заложило основу взаимовыгодного приграничного взаимодействия двух стран. С 70-х гг. XIX в. на Дальний Восток России стали прибывать на заработки китайцы, их стали нанимать на постройку Владивостокской крепости и порта, Уссурийской железной дороги и на частные предприятия. Если в 1858—1860 гг. на территории Амурской и Приморской областей находилось около 6300 оседлых и 2—3 тыс. бродячих китайцев (не считая “зазейских маньчжур”), то к 1881 г. их количество достигло 15 тыс. с лишним¹. В 1873 г. во Владивостоке уже насчитывалось 18 тыс. китайских мигрантов, в Хабаровске — более 4 тыс. чел., в Благовещенске — более 2 тыс. чел.² С помощью дешевого труда китайских мигрантов велось строительство городов, дорог, приисков в Приамурье и Приморье. Китайцы-арендаторы земель способствовали дальнейшей земельческой колонизации региона, крупные и мелкие торговцы снабжали Дальний Восток необходимыми товарами. Во время Первой мировой войны зависимость от китайского труда усилилась. Осенью 1916 г. только чанчуньской фирмой “Ичэн” было направлено в Россию на лесозаготовки 20 тыс. китайских чернорабочих³.

Залесская Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой китаеведения Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: serfan@amur.ru

В 1917—1922 гг. — период постоянной смены местных властных структур на Дальнем Востоке России — на территории российского Дальнего Востока по-прежнему функционировали торговые и мелкие ремесленные китайские предприятия, создавались совместные русско-китайские фирмы, что было необходимо в тяжелейших экономических условиях. Продолжалась вербовка китайской рабочей силы на российский Дальний Восток — только в июле 1919 г. в Харбине, Чанчуне и Сыпине было законтрактовано и отправлено в Россию 4 тыс. китайцев⁴. На территории Дальневосточной республики (ДВР) китайским мигрантам как национальному меньшинству было предоставлено право на культурную автономию. Согласно Конституции ДВР, соблюдались два условия, необходимые для развития культурно-национальной автономии: китайским мигрантам гарантировалось осуществление всех прав на основе полного равенства с другими гражданами ДВР, а также обеспечивалась возможность сохранения ими своих отличительных и традиционных признаков⁵.

Значимые изменения в жизни китайских мигрантов наблюдаются после присоединения Дальнего Востока к РСФСР. Новые подходы в решении национального вопроса, разработанные советским руководством, обусловили наступление нового этапа в жизни китайцев на российском Дальнем Востоке. Китайским мигрантам уделяется пристальное внимание со стороны региональных органов власти. В среде китайских трудящихся разворачивается культурно-просветительная работа — организуются ликбезы, курсы, школы, клубы, библиотеки. Начинается издание газет на китайском языке, разрабатывается латинизированный китайский алфавит. Более того, в 1920—1930-е гг. идет процесс интеграции китайских трудящихся в социально-экономическую жизнь региона — прежде всего, путем вовлечения китайских мигрантов в профсоюзы и кооперативы.

На советском Дальнем Востоке в 1920—1930-е гг. китайские рабочие главным образом были заняты на лесозаготовках, каменноугольных копях, в кожевенной, строительной, золотодобывающей, транспортной, рыбной промышленности, а также на кустарном производстве. Наличие ряда особенностей (сезонность, разобщенность вследствие значительных расстояний между населенными пунктами и приисками, незнание русского языка, низкий культурный уровень, наличие института “старшинок”)⁶ делало стоявшую перед профсоюзами края задачу политического интернационально-классового воспитания рабочих чрезвычайно сложной и требующей повышенного внимания.

Китайцы входили в группу “восточных рабочих”, и основные положения профсоюзной деятельности среди них были определены в ряде общих документов. Уже на заседании президиума Дальневосточного совета профсоюзов (ДВСПС) 17 мая 1923 г. было утверждено “Положение о работе среди восточных рабочих профсоюзов Дальнего Востока”. В этом документе подчеркивалась необходимость создания при межсоюзных объединениях бюро, которые могли бы вести культурно-просветительную работу среди восточных рабочих и оказывать помощь рабочим союзам⁷. Перед профсоюзами ставились задачи вовлечения восточников в союзы, упорядочения их производственной деятельности в соответствии с Кодексом законов о труде, развертывания среди них культурно-просветительной работы. В тех населенных пунктах, где имелось не менее 100 чел. восточных рабочих, при профсоюзах сохранялись китайские и корейские секции, как “подсобные организационные формы” по работе с нацменьшинствами. Помимо этого, при межсоюзных объединениях создавались бюро в составе 3-х чел. по работе с нацменами⁸.

Вовлечение китайских рабочих советского Дальнего Востока в профсоюзы включается во все программы и резолюции по работе с китайскими трудящимися. Перед руководителями предприятий ставится задача постоянно улучшать количественные показатели по объединению рабочих в профсоюзы. Так, в Приморье к марту 1925 г. китайских рабочих — членов профсоюзов насчитывалось 6 430 чел., что составило 38% от общего количества китайских рабочих в Приморье⁹. Региональные органы власти требовали от организаций и госпредприятий улучшать жилищные условия и медицинское обслуживание восточных рабочих, стремиться к изживанию института “старшинок”, повсеместно внедрять систему коллективных договоров. На заседаниях бюро Далькрайкома (ДКК) ВКП(б) отмечалось, что “вся работа профсоюзов среди восточных рабочих должна носить интернационально-классовый характер, подтягивая культурный уровень их до основного кадра пролетариата”¹⁰.

Для успешного внедрения трудового законодательства и регулирования труда среди восточных рабочих был образован особый институт восточных инспекторов труда: в 1925 г. — при Владивостокском и Амурском отделах труда, в 1927 г. — при Читинском отделе труда¹¹. За 1925—1927 гг. инспекторами было проведено 780 проверок предприятий, где трудились восточные рабочие, и выявлены нарушения, касающиеся продолжительности рабочего дня, социального страхования, оплаты труда, выдачи спецодежды, обеспечения жилищных условий. Инспекторами были также выявлены две формы эксплуатации восточников на предприятиях: использование наемного труда компаньонов (как с нотариальной регистрацией, так и без нее) и подрядничество. Подрядчики (или “старшинки”), именуя себя уполномоченными артели, удерживали в свою пользу с рабочих от 10 до 15% зарплаты, вне зависимости от индивидуального или массового получения рабочими заработка¹². Кроме этого, за 1926—1927 гг. во Владивостоке было проведено инспектирование 731 мелкой кустарной мастерской. Основными нарушениями являлись: нарушение норм рабочего времени, отсутствие страховки у китайских рабочих, неудовлетворительное состояние их жилищ. Иногда сами рабочие настаивали на увеличении рабочего дня, отказывались сдавать инструмент в конце смены и продолжали работу; требовали удаления с рабочих мест тех русских рабочих, которые настаивали на 8-часовом рабочем дне¹³.

Инспекторами было также выявлено, что большинство китайских рабочих не понимали сущности профсоюза. Одни отождествляли профсоюз с гильдией, другие — с биржей труда. Профсоюзные взносы китайские рабочие зачастую рассматривали как дополнительный налог и вступали в профсоюзы только по распоряжению “старшинок”. Китайцы-служащие частных китайских предприятий зачастую сами выступали против введения страховки и профотчислений, т.к. эти расходы уменьшали размер премии, обычно выдаваемой хозяином предприятия к китайскому Новому году. Среди китайских трудящихся ходили слухи и о том, что в Китае были случаи ареста членов семей тех китайских рабочих, которые вступали в профсоюзы на советском Дальнем Востоке¹⁴.

Понять сущность профсоюза китайским рабочим препятствовало незнание или слабое знание русского языка, непонимание социально-политической ситуации в советском государстве. На китайский язык был переведен Кодекс законов о труде СССР, но перевод был сделан в высоком литературном стиле и не был снабжен комментариями к новым словам и определениям, поэтому был непонятен для рабочих¹⁵. Вступление китайских рабочих в профсоюзы шло крайне медленно. На частных предприятиях отмечались случаи избиения хозяевами

предприятий китайских рабочих за стремление к участию в общественной работе. Тем не менее, к концу 1927 г. организованных китайских рабочих насчитывалось 12 932 чел., или 80% от числа всех учтенных в промышленности китайских рабочих Дальневосточного края (ДВК). Количество китайских рабочих — членов союзов по отношению к общему числу членов союзов в ДВК составляло 8%¹⁶. Коллективные договора составлялись на русском языке, поэтому для большинства китайских рабочих значение их оставалось непонятным. Тем не менее, если в начале 1926 г. по коллективным договорам работали 72,2% китайских рабочих, то к 1 февраля 1927 г. — уже 96,07%¹⁷.

Коллективные договора призваны были улучшить условия труда и повысить зарплату китайских рабочих, которая традиционно была меньше зарплаты русских. Так, на Артемовских угольных копях в октябре 1925 г. дневной заработок русского забойщика составлял 3 руб. 30 коп., забойщика-китайца — 1 руб. 65 коп. Эта разница обычно объяснялась более низкой производительностью труда китайских рабочих. На тех же Артемовских угольных копях в октябре 1925 г. у забойщиков-русских производительность составила в среднем 5,03 т на чел., у китайцев — 3,82 т на чел.¹⁸ Одной из причин низкой производительности было то, что при одинаковой квалификации администрация всегда направляла китайского рабочего на менее выгодную работу, требующую большого вложения физического труда.

За период с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. инспекцией труда в Приморье была произведена проверка 481 предприятия, где работали китайские мигранты (за исключением предприятий в Суйфунском и Спасском районах и сельских хозяйствах). Из 481 предприятия 327 являлись частными, 32 — кооперативными и 122 — государственными. По результатам проверки администрация 121 предприятия была привлечена к уголовной ответственности, были оштрафованы 264 предприятия. Согласно официальному отчету, инспекцией труда были достигнуты определенные успехи. Так, китайские рабочие стали использовать свое право на отпуск, на страховку и получение спецодежды. Улучшились жилищные условия китайских рабочих Сучана и Артема¹⁹.

Китайцам — членам профсоюзов предоставлялась возможность покупать по льготным ценам муку, мясо, сахар, чай и др. продукты²⁰.

Единственным связующим звеном между руководителями предприятий и рабочими оставались “старшинки”. Власть “старшинок” среди китайских рабочих по-прежнему была чрезвычайно распространена. Они снабжали рабочих опиумом, закупали для них продукты, организовывали игру в карты, также имея от этого значительный доход. В подавляющем большинстве случаев только они могли повлиять на решение рабочих вступать или не вступать в профсоюз, поэтому руководители организаций, перед которыми стояла задача увеличения количества китайских рабочих в профсоюзе, вынуждены были договариваться со “старшинками”. “Старшинки” также скрывали от рабочих сущность соцсоревнования. С подачи “старшинки” могло сорваться собрание, китайцы могли не выйти на работу в китайские праздники. В столовых для восточных рабочих зачастую отсутствовали необходимые для них продукты питания — рис, свинина, поэтому рабочие предпочитали сдавать деньги на питание “старшинке”, который занимался поставкой продуктов и организацией питания прямо в рабочих общежитиях²¹.

Борясь с институтом “старшинок”, на многих предприятиях стали выдавать китайским рабочим зарплату индивидуально, минуя “артельщиков”, но зачастую китайские рабочие, получив зарплату, сдавали ее “старшинке” для пе-

пераспределения. Нередко рабочие, узнав об аресте “старшинки”, отказывались продолжать работу. “Старшинки” продолжали выполнять функцию связующего звена между китайскими рабочими и администрацией предприятия: в них существовала определенная потребность. В то же время китайскими рабочими предпринимались попытки освободиться от “артельщиков” вплоть до убийства последних (подобный случай был отмечен в Хабаровске)²².

Некоторые предприятия не только не пытались свести на нет влияние “старшинок”, но и покровительствовали им. Так, горкомхоз заключал со “старшинками” договоры на аренду помещений, и даже профсоюзы при обсуждении различных вопросов быта китайских рабочих нередко в первую очередь обращались к “артельщикам”²³. Без знания китайского языка руководить китайскими рабочими было невозможно, и, например, на “Дальлесе”, посредничеств между рабочими и администрацией успешно осуществлялось “старшинками”. “Дальлес” также привлекал “старшинок” для набора рабочих²⁴. Администрация “Дальлеса” неоднократно заявляла, что “без подрядчиков работа приостановится”, что подрядчики более успешны в наборе рабочих, нежели биржа труда²⁵.

В целях устранения зависимости от китайских “старшинок” и создания профсоюзного актива была развернута работа по воспитанию кадров для профсоюзной деятельности из среды восточных трудящихся. Под руководством и опекой Дальневосточного краевого совета профсоюзов (ДКСПС) открывались профсоюзные курсы для восточников. Например, в 1926/27 уч. г. во Владивостокском округе функционировали восточные профкурсы ДКСПС с общим количеством учащихся 43 чел. (из них китайцев — 28 чел., корейцев — 8 чел. и японцев — 7 чел.). Возраст абсолютного большинства учащихся не превышал 40 лет. Из 28 китайцев удовлетворительно закончили обучение на курсах 25 чел.²⁶ Особое внимание ДКСПС уделял работе среди китайских трудящихся, т.к. они составляли большинство среди восточных рабочих. На курсах повышения квалификации профработников большинство мест традиционно предоставлялось китайским рабочим.

К декабрю 1926 г. в профсоюзах Владивостокского округа насчитывалось 10 282 китайских рабочих, к октябрю 1927 г. — уже 13 015 чел.²⁷ К 1 июля 1928 г. из 1369 китайских рабочих Читинского округа членов профсоюзов было 773 чел.²⁸, а из 4355 китайцев Хабаровского округа в сентябре 1929 г. 2172 чел. входили в различные союзные органы²⁹.

С другой стороны, медленными темпами шло наращивание профсоюзного актива среди китайских рабочих. В 1927 г. выборных профработников-китайцев во Владивостокском округе имелось всего 36 чел., а в фабрично-заводских комитетах и месткомах — 56 чел. Малочисленным был и состав делегатов — восточных рабочих на краевых профсоюзных съездах и конференциях: за 1926—1927 гг. на 94-х подобных мероприятиях из общего количества 2982 делегата восточников присутствовало только 80 чел. (2,6%), между тем только китайских рабочих — членов союзов насчитывалось 8% общего количества членов профсоюзов в ДВК³⁰. Популяризации профсоюзного движения среди китайских рабочих ДВК препятствовало недофинансирование профсоюзной работы³¹.

В сентябре 1930 г. на Сучанском руднике из общего количества рабочих 5086 чел. китайских рабочих насчитывалось 1002 чел. Они выполняли в основном неквалифицированную, малооплачиваемую работу — трудились кочегарами, лесогонами. Забойщиков, т.е. рабочих более высокой квалификации, насчитывалось лишь около 70 чел. Только незначительное количество китайских рабочих состояло в выборных союзных органах. Так, членов райкома союза горнорабочих

было всего 2 чел. (15,4% к общему количеству членов райкома), членов шахткомов — 9 чел. (14,3% к общему количеству членов шахткомов). Профактив китайских рабочих состоял из 19 чел., но в повседневной жизни предприятия они принимали слабое участие³². Так и не была развернута профсоюзная работа на Уссурийской дороге, где в 1935 г. трудилось 400 китайских рабочих³³.

Для руководства профсоюзной работой и вовлечения в профсоюз китайских рабочих был создан институт профсоюзных уполномоченных. Одной из форм работы профуполномоченных являлись собрания восточных рабочих, общегородские и по предприятиям. Так, с 1 июля 1927 г. по 1 января 1928 г. уполномоченными было проведено десять собраний на предприятиях, на которых в общей сложности присутствовало около 700 восточников, а также четыре собрания восточных рабочих Читы (присутствовало в общей сложности около 1 тыс. чел.). Уполномоченными также проводились такие мероприятия, как Недели обороны, годовщины Октябрьской революции, годовщины смерти Сунь Ятсена, антирелигиозные дни и т.п.³⁴. В апреле 1929 г. в Читинском округе из 1558 рабочих — членов профсоюзов китайцев насчитывалось 905 чел., корейцев — 51 чел. Восточные рабочие были объединены в союзы кожевников, железнодорожников, коммунальщиков, швейников, строителей. В окружном отделе труда, клубе восточных рабочих, на приисках сформировался окружной профсоюзный актив восточных рабочих численностью около 60 чел.³⁵.

Профсоюз для восточных рабочих представлял в те годы совершенно новую форму взаимоотношений между ними и работодателями. Он действительно, прежде всего, защищал интересы рабочих³⁶. На частных предприятиях зарплаты китайских рабочих, выдаваемые им на руки, зачастую не соответствовали означенным в расчетных книжках либо коллективных договорах цифрам. Окружные профсоветы регулярно проводили инспектирование жилищных и трудовых условий китайских рабочих. Безработным китайцам — членам профсоюзов — выдавалось пособие. ДКСПС занимался изданием специальной профлитературы для китайских рабочих края. При всех клубах для восточных рабочих были организованы профкружки. Китайские рабочие стали создавать производственные бригады, что было иной формой организации труда, нежели артели.

Серьезное внимание профсоюзы уделяли вовлечению китайских рабочих в кассы взаимопомощи — по различным предприятиям процент регулярно вносивших взносы колебался от 45 до 100%³⁷. Китайские рабочие наравне с русскими могли обратиться в кассу взаимопомощи. Они всегда аккуратно сдавали деньги в кассы взаимопомощи и уплачивали членские взносы. Необходимо, впрочем, заметить, что многие китайские рабочие расценивали членский взнос как еще один налог, а некоторые из них вообще не были осведомлены о функциях членских взносов³⁸.

Китайские трудящиеся участвовали в общественной жизни, являясь членами как крупных профсоюзов, так и мелких профсоюзных объединений. В марте 1928 г. в профсоюзе швейников Читинского округа состояли 10 китайцев и 2 корейца. Они активно участвовали в работе клуба восточников, посещали кружки при клубе, сдавали взносы в кассу взаимопомощи³⁹.

В 1931 г. из 50 тыс. китайских рабочих края было зарегистрировано 6300 членов ДКСПС⁴⁰. В целом же количество китайских рабочих — членов профсоюзов постоянно менялось, в силу сезонного характера их работы.

Одним из направлений работы профсоюзов было привлечение китайских трудящихся к перечислению части заработной платы на общественные цели. На

интернациональном митинге, состоявшемся в августе 1929 г. в Хабаровске, китайские и корейские рабочие приняли решение о начале сбора средств для постройки самолета “Ультиматум Нанкину”⁴¹. Только на одном руднике Верхняя Кия Читинского округа китайские рабочие за два месяца (август-сентябрь 1929 г.) трижды делали отчисления на строительство самолета “Ультиматум Нанкину”⁴². В апреле 1931 г. слет рабкоров краевой китайской газеты “Рабочий путь” обратился с призывом к китайским рабочим и колхозникам края построить самолет “Китайский рабочий”. В феврале 1932 г. на отчисления китайских трудящихся ДВК был построен самолет “Имени Сян Чжунфа”, который был передан Особой Краснознаменной Дальневосточной армии⁴³.

С середины 1920-х гг. на Дальнем Востоке началось массовое объединение китайских трудящихся для дальнейшего коллективного предпринимательства. Основными формами кооперации китайских мигрантов были сельскохозяйственная, жилищная, промысловая, потребительская.

Сельскохозяйственное кооперирование китайцев было построено на устоявшейся практике сдачи им в аренду земельных участков для выращивания и последующей реализации овощей на рынках российского Дальнего Востока. В соответствии со ст. 9-й Земельного кодекса РСФСР, иностранцам земля предоставлялась в порядке аренды на договорных началах, и могла быть закреплена за ними при переходе в советское гражданство. Так, на огородный сезон 1925/26 г. в черте Читы китайцам было сдано в аренду для выращивания овощей 103 огородных участка, на сезон 1926/27 г. — уже 150 участков, на которых работали 500 чел.⁴⁴ Китайцы-огородники еще не были организованы в артели, но через особых уполномоченных были связаны с промышленным кредитным товариществом “Кустарь”, которое осуществляло поставку овощей военным ведомствам и гражданским организациям города, а также реализовывало овощи на базарах Читы в розницу⁴⁵.

В 1929 г. в Читинском округе насчитывалось уже 6 артелей огородников-восточников, где совместно трудились китайцы и корейцы — “Москва”, “Кантонская коммуна”, “Свободный Китай”, “Восточник”, “Интернационал”, “1 Марта”⁴⁶. Членами кустарно-промыслового союза (кустпромсоюза) были около 170 огородников⁴⁷. Члены артелей принимали участие в общественной жизни края: на государственный заем “Первый год второй пятилетки” артелями было сдано более 31 тыс. руб., в пользу китайских красных партизан — более 1 тыс. руб.; 640 руб. было собрано на постройку самолета “Максим Горький”⁴⁸.

В 1933 г. общая площадь посевов в вышеуказанных артелях составила 180,5 га⁴⁹, возникали новые китайские артели — “Китайская коммуна”, “Свобода”⁵⁰. Ответственность за составление планов посева артелями огородных культур была возложена на краевой союз потребительских обществ (Крайпотребсоюз). Обязательным был посев бобов, фасоли, чеснока, чумизы, китайской капусты, кукурузы и других сельскохозяйственных культур, необходимых для питания трудящихся-восточников⁵¹.

Был создан союз восточных рабочих-огородников Читы, который в 1926 г. объединял 200 китайцев Читы и Читинского округа. В рабочем комитете союза за счет членских взносов был организован фонд поддержки безработных и касса взаимопомощи. Союз занимался страхованием рабочих, оказывал помощь в заключении трудовых договоров и решении различных вопросов охраны труда, бесплатно распространял среди огородников газету “Рабочий путь” на китайском языке, направлял неграмотных в ликпункты⁵².

В январе 1930 г. были созданы плодоовощные артели под Хабаровском — им. Блюхера, “Кантонская коммуна” и им. Карла Маркса, в которые вошли исключительно китайцы. Эти артели в первый же год своего существования внесли весомый вклад в дело снабжения рабочих края овощами — посевная площадь этих артелей в 1930 г. составила 234 га⁵³.

Развивались также такие формы кооперации, как потребительская и жилищная. Были созданы распределители продовольственных и промышленных продуктов для восточных рабочих. Осенью 1926 г. был открыт такой распределитель во Владивостоке (на Семеновской улице). Торговый оборот распределителя, обслуживавшего и русских покупателей, доходил до 3500 руб. в месяц. Но снабжение нужными для китайских мигрантов товарами велось слабо, в избытке имелись лишь пудра и одеколон⁵⁴. В Читинском округе помещение распределителя не было приспособлено для торговли в зимнее время, необходимых для восточных рабочих товаров завозилось минимальное количество⁵⁵. На Сучанском руднике на 1 июля 1930 г. членов потребительской кооперации восточников насчитывалось 1555 чел. Однако столовые и магазины, предназначенные специально для восточных рабочих, отсутствовали⁵⁶.

Обслуживание нацменьшинств края было одним из направлений работы жилищной кооперации ДВК. Жилищная кооперация ДВК образовалась в 1926 г., когда был организован ряд жилищных кооперативов в городах и на предприятиях. В марте 1926 г. в Чите при китайской секции губпрофсовета было основано жилищное товарищество “Восточный кооператор”, но работа по привлечению восточных рабочих в жилищный кооператив велась слабо⁵⁷.

Особенное внимание на обслуживание нацменьшинств было обращено в 1930 г., была дана директива о недопущении национальной вражды в жилищкооперации между европейцами и восточниками. С 1931 г. был введен учет состояния вопросов кооперирования нацменьшинств, жилищного вопроса среди них, их культурно-бытового обслуживания. Для восточных рабочих было проведено жилищное строительство на сумму 250 тыс. руб. (на 150 тыс. руб. на Сучане и на 100 тыс. руб. в Никольске-Уссурийском). 10 тыс. руб. было отпущено на устройство детсада для детей восточных рабочих во Владивостоке и детской площадки в Благовещенске⁵⁸.

Координирующим центром рабочей кооперации в Советской России была Центральная секция рабочей кооперации (ЦРК) при Центральном союзе потребительских обществ СССР (Центросоюзе). На Дальнем Востоке отделения ЦРК при губерниях и областных Центросоюзах были созданы после упразднения ДВР. Для оптимизации работы среди китайских трудящихся края в штаты отделений ЦРК были введены китайские инструкторы. Помимо этого, китайцы и корейцы, ввиду охвата кооперацией китайских и корейских мигрантов, работали в аппарате ЦРК на различных должностях⁵⁹.

Развивалась и кредитная кооперация среди китайских мигрантов. В аппарате Хабаровского ЦРК на 1 января 1930 г. насчитывалось 1343 пайщика-восточника, к 1 июля того же года — 1555 чел. Кредитами восточные рабочие пользовались на одинаковых с русскими условиях⁶⁰.

С конца XIX в. на Дальнем Востоке России китайские мигранты организовывали мелкие и средние кустарные предприятия. Объединение китайцев-кустарей стало задачей создаваемых кустарно-промысловых союзов в дальневосточном регионе в 1920—1930-е гг.

Читинский районный союз кустарно-промысловых кооперативов (райкустпромсоюз) был организован в 1925 г. Китайских ремесленников Читы — большинство из них составляли сапожники, кожевенники и пимокаты — обязали вступить в союз. Отныне только через союз они могли легально закупать для своей производственной деятельности кожу и овчину. Закупочные союзные цены на сырье были выше, чем на рынке, поэтому китайские кустари вынуждены были поднимать цены на свои изделия. Это вызвало недовольство у русских покупателей, доходность китайских ремесленных предприятий начала снижаться. Всего же на 1 октября 1928 г. Читинский райкустпромсоюз объединил 60 артелей сапожников (им. Сунь Ятсена, “Хуансин гунчан”, “Тунъян гунчан”, “Томиньдан”, “1-е Мая” и др.) с общим количеством 300 китайцев, 3 артели кожевенников и 3 пимокатных артели (“Община”, “Кантон”, “Восточный рабочий”, “Восточная”, “Восход”, “Восток”, общее количество членов — 200 чел.), а также артель портных⁶¹.

В Бурято-Монгольский промысловый кредитно-кооперативный союз (Бурпромкредсоюз), находящийся в Верхнеудинске, в 1929 г. входило 10 китайских артелей с численностью организованных рабочих более 100 чел. Среди рабочих — членов артелей Бурпромкредсоюза — велась культурно-просветительная работа: проводились занятия по ликбезу, рабочих снабжали литературой на китайском языке⁶².

В марте 1926 г. был организован кустпромсоюз во Владивостокском округе. В 26-ти товариществах (“Строитель”, “Красный сапожник” и др.) объединились 800 чел., в том числе 432 китаец. Зарплата в таких артелях у китаец-строителей составляла 70—75 руб., у сапожников — 50—55 руб. Члены артелей не были охвачены культурно-просветительной работой, лишь в товариществе строителей был организован красный уголок, в котором, однако, не было никакой литературы. При несчастных случаях на производстве рабочим страховка не выплачивалась⁶³.

В 1926 г. китайские рабочие составляли 60,6% всех рабочих, занятых в кустарно-ремесленной промышленности края. В 1927 г. в ДВК насчитывалось 731 кустарное предприятие с общим количеством восточных рабочих 1473 чел.⁶⁴ В октябре 1929 г. в Благовещенске была проведена общегородская конференция китайских кустарей, на которой были рассмотрены цели и задачи кооперации⁶⁵.

По данным на 1 октября 1929 г., в промышленной кооперации ДВК насчитывалось: русских — 2674 чел. (46,8%), китайцев — 2563 чел. (44,8%), корейцев — 257 чел. (4,5%), прочих — 220 чел. (3,9%)⁶⁶. Наибольшее число кустарей-китайцев занималось кожевенными (475 чел.), швейно-трикотажными (404 чел.) и деревообрабатывающими (339 чел.) промыслами. Среди первоочередных задач деятельности нацбюро были: изучение экономических, географических и бытовых условий и особенностей нацменьшинств края и состояния кооперативной работы в нацрайонах, содействие развитию промкооперации в нацрайонах и среди нацменьшинств, организация культурно-просветительной работы среди нацменьшинств и приобщение их к социалистическому строительству, повышение материально-культурного уровня и бытового обслуживания нацменьшинств, борьба с шовинизмом, увеличение темпов кооперирования нацменов⁶⁷.

Следует отметить, что нацбюро призваны были играть значительную роль в решении задачи вовлечения нацменов в систему промкооперации. Нацбюро организовывались при президиумах правления краевых промышленных советов либо областных промышленных советов в тех краях и областях, где нац-

меньшинства не были объединены в административную единицу (АССР, АО либо районы). Основными формами деятельности нацбюро были: организация культурно-массовых мероприятий и проверок бытового уровня жизни восточных рабочих силами инструкторов, оказание финансовой и технической помощи в освоении промыслов, подготовка руководящих кадров из нацменьшинств⁶⁸.

В 1931 г. в ДВК насчитывалось около 3 тыс. китайских мигрантов, занятых в кустарной промышленности, что составляло 30% всех кустарей края⁶⁹. Основная масса китайских кустарей была сосредоточена в городах — Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске, Никольске-Уссурийском и др. Кустари работали в различных отраслях — как строители, лесрабочие, деревообделочники, кожевники, трикотажники, пищевики, парикмахеры, прачки и т.д. 40% китайских кустарей работали вместе с русскими либо другими национальностями в смешанных интернациональных артелях, а примерно 60% составляли самостоятельные китайские артели, занимавшиеся почти исключительно сапожным ремеслом⁷⁰.

В 1930-е гг. кооперирование китайских мигрантов, несмотря на уменьшение численности китайцев в крае⁷¹, продолжало развиваться. Продолжали существовать различные формы кооперации. Китайские промысловые и огородные артели функционировали при приисках. Всего в 1936 г. в национальных артелях ДВК насчитывалось 6922 чел., из них 776 китайцев⁷².

Несмотря на определенный вклад в экономику края, снабжение населения в условиях наблюдавшегося дефицита товаров сравнительно дешевыми продуктами и промтоварами собственного производства, а также оказание бытовых услуг населению, к 1 января 1937 г. большинство национальных артелей были ликвидированы. В Приморском облпромсоюзе из китайских артелей функционировали только “Восточный быт”, “Красный слесарь”, “Реммаш”, “Красная звезда”, в Хабаровском облпромсоюзе из китайских артелей остались “Кустарь”, “Утильщик”, “Хабаровский фотограф”. Среди причин ликвидации артелей были: ведение “двойной” бухгалтерии, спекуляция товарами, отсутствие национальных паспортов и видов на жительство у членов артели. Не были организованы ликпункты латинизированного китайского языка, столовые и красные уголки для членов артелей, не выпускались стенгазеты для артельщиков. Члены артелей зачастую не соблюдали трудовую дисциплину, занимались опиекурением. Плановый отдел Примоблпромсоюза, например, заведомо занижал при планировании цифры производительности каждой городской артели на 70—80%, в результате городские артели перевыполняли план на 200—500%, кроме того, открывалось широкое поле для махинаций с государственными средствами, выделявшимися для финансирования артелей. Около 100 чел. из 12 китайских артелей были отданы под суд⁷³. В 1937 г. число китайцев в национальных артелях края снижается с 776 до 574 чел. (из общего количества членов артелей 7666 чел.)⁷⁴ Окончательно кооперативное движение среди китайских трудящихся было свернуто в 1938 г. с началом репрессий против китайских мигрантов в ДВК.

Итак, в 1920—1930-е гг. организации хозяйственной деятельности китайских мигрантов на Дальнем Востоке России уделялось пристальное внимание со стороны региональных органов власти. Китайские трудящиеся активно вовлекались в профсоюзы и кооперативы. Несмотря на определенные сложности и недостатки в процессе кооперирования и объединения в профсоюзы китайских мигрантов, работа в этой области привела к определенным результатам. Среди ки-

тайских рабочих была распространена система коллективных договоров, их работа строилась на основе трудового законодательства СССР, рабочие вовлекались в соцсоревнование и ударничество, участвовали в мероприятиях по линии профсоюзов. Серьезным достижением было создание особого штата восточных инспекторов труда, проводивших проверки жилищных условий и условий трудовой деятельности китайских рабочих. Привычной для китайских трудящихся формой обобществления, распределения и производства стала кооперация. Упорядочение и организация хозяйственной деятельности китайских мигрантов способствовали объединению китайских мигрантов, их скорейшей интеграции в социально-экономическую жизнь советского Дальнего Востока, более тесному взаимодействию с русским населением.

1. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861 — 1917 гг.). М., 1989. С. 38.
2. Люй Э хуацяо ши ляо сюань. Хэйхэ вэнь ши цзыляо дига цзи [Сборник материалов по истории китайских мигрантов в России. Вып. 8: Материалы по истории и культуре г. Хэйхэ]. Хэйхэ, 1991. С. 3.
3. Ли Цзягу. Чжун-Су гуаньси [Китайско-советские отношения] (1917—1926). Пекин, 1996. С. 6.
4. Ли Юнчан. Шиюэ гэмин цянъси дэ люй-Э хуагун [Китайские рабочие в России накануне Октябрьской революции] // Шицзе лиши. 1987. № 5. С. 94.
5. Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994. С. 148, 150.
6. “Старшинка” (“артельщик”) — выполнял функции подрядчика при китайских рабочих, получая за это определенный процент; обычно со знанием русского языка, был посредником между рабочими и работодателем. Инструкторами по работе среди нацменов неоднократно поднимался вопрос о лишении “старшинок” избирательных прав, но “старшинки” продолжали пользоваться всеми правами и привилегиями в среде китайских рабочих. Если даже “старшинку” арестовывали за притеснения рабочих и распространение контрабанды, рабочие его артели писали заявления с просьбой об освобождении “старшинки” (Государственный архив Читинской области (далее — ГАЧО). Ф. П-71, оп. 1, д. 564, л. 16, 18).
7. Государственный архив Амурской области (далее — ГААО). Ф. 166-р, оп. 1, д. 2, л. 10—10об.
8. Наш путь. 1923. № 11. С. 172—173.
9. Государственный архив Хабаровского края (далее — ГАХК). Ф. П-318, оп. 1, д. 347, л. 233.
10. ГАЧО. Ф. П-75, оп. 1, д. 233, л. 217—218.
11. Постановление расширенного совещания подотдела нацмен от 15 октября 1927 г. при АПО ДКК ВКП(б) о назначении китайского инспектора труда в Хабаровском округе выполнено не было. В Никольск-Уссурийске также не было китайского инспектора по охране труда, который проводил бы проверку китайских предприятий. Единственный инспектор по охране труда был русским, поэтому работа по охране труда китайских мигрантов не велась.
12. ГАХК. Ф. П-2, оп. 11, д. 29, л. 182—183.
13. Государственный архив Приморского края (далее — ГАПК). Ф. П-67, оп. 1, д. 112, л. 146.
14. ГАХК. Ф. П-2, оп. 2, д. 47, л. 30.
15. ГАПК. П-67, оп. 1, д. 82, л. 89.
16. Там же. Д. 112. Л. 135об.
17. Там же. Л. 141.
18. Там же.
19. Там же. Д. 172, л. 44—45.

20. *Бу Цзюньчжэ*. Цзиньдай Элосы Сиболия цзи Юаньдун дицью хуацяо хуажэнь шэхуэй яньцзю [Изучение китайской диаспоры на российской Дальнем Востоке и в Сибири в новое время (1860-1931)]. Чанчунь, 2003. С. 34.
21. Тихоокеанская звезда. 1930. 25 апр.
22. ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 112, л. 145.
23. Тихоокеанская звезда. 1930. 8 апр.
24. ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 172, л. 38—39.
25. Там же. Л. 32.
26. Там же. Д. 82, л. 40.
27. Там же. Д. 172, л. 46.
28. ГАЧО. Ф. Р-1491, оп. 2, д. 3, л. 108.
29. ГАХК. Ф. П-2, оп. 11, д. 415, л. 2.
30. Там же. Д. 41, л. 40об—41.
31. ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 284, л. 102—103.
32. ГАХК. Ф. П-2, оп. 11, д. 419, л. 1, 8—9.
33. Там же. Д. 193, л. 18.
34. ГАЧО. Ф. Р-1491, оп. 2, д. 3, л. 47.
35. Там же. Ф. П-75, оп. 1, д. 796, л. 1.
36. Случаи, когда профсоюзы не поддерживали китайских рабочих, были единичны и не встречали одобрения у местных властей. Так, 1 апреля 1927 г. китайцами-сапожниками Владивостока была начата забастовка, в которой приняли участие около 700 чел. Основными требованиями рабочих были: сократить продолжительность рабочего дня, которая составляла 14—15 часов, и добиться разрешения у хозяев посещать ликбез в вечерние часы. 12 апреля состоялось собрание, на котором хозяева согласились на все требования рабочих. Союз кожевников забастовку не поддержал, что и было отмечено на совещании китайской секции подотдела нацменьшинств Владивостокского окружного ВКП(б) 15 апреля 1927 г. (ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 82, л. 30).
37. Там же. Д. 41, л. 41об.
38. ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 82, л. 84.
39. ГАЧО. Ф. Р-1491, оп. 2, д. 3, л. 35.
40. ГАХК. Ф. П-2, оп. 9, д. 73, л. 191.
41. Там же. Оп. 1, д. 154, л. 18.
42. ГАЧО. Ф. П-75, оп. 1, д. 796, л. 23.
43. Тихоокеанская звезда. 1932. 23 февр.
44. ГАЧО. Ф. Р-1164, оп. 1, д. 10, л. 6—11.
45. Там же. Ф. Р-137, оп. 1, д. 26, л. 58—59.
46. Там же. Ф. П-1, оп. 1, д. 29, л. 14об.
47. Не обходились без негативных моментов. Согласно заключенному в 1928 г. договору, китайские огородники Читы обязаны были весь урожай сдавать Читинскому кулпромсоюзу, однако часть овощей кулпромсоюзом принята не была и сгнила в погребках китайских огородников. Урожай 1929 г. кулпромсоюз обязался принять по ценам, установленным китайцами, но в конечном итоге приемка была произведена по общим, значительно более низким заготовительным ценам (ГАЧО. Ф. Р-474, оп. 1, д. 374, л. 120—121об).
48. ГАЧО. Ф. Р-590, оп. 1, д. 15, л. 28.
49. Площадь посевов артели “Москва” составила 49 га, артели “Кантонская коммуна” — 14 га, артели “Свободный Китай” — 10 га, артели “Восточник” — 20 га, артели “Интернационал” — 22 га, артели “1 Марта” — 65,5 га (ГАЧО. Ф. Р-590, оп. 1, д. 15, л. 26).
50. ГАЧО. Ф. П-1, оп. 1, д. 29, л. 19.
51. Там же. Ф. Р-590, оп. 1, д. 15, л. 17.
52. Там же. Ф. Р-1164, оп. 1, д. 10, л. 15—18.
53. Почти у каждого члена артели находилась на иждивении семья в Китае. Рабочие этих артелей обратились с заявлением о рассмотрении вопроса ежемесячного перевода их денег в Китай. Из-за запрещения перевода денег рабочим артелей (при одновремен-

ном разрешении подобного перевода китайским рабочим государственных и кооперативных предприятий) семьи голодали и были на грани нищеты. За год из 300 членов артели осталось только 138 чел. — остальные перешли работать на государственные предприятия либо уехали за границу (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ). Ф. Р-2413, оп. 4, д. 1744, л. 124—125).

54. ГАХК. П-2, оп. 2, д. 47, л. 54.

55. ГАЧО. Ф. Р-590, оп. 1, д. 15, л. 19.

56. ГАХК. Ф. П-2, оп. 11, д. 419, л. 14.

57. ГАЧО. Ф. Р-1491, оп. 2, д. 3, л. 53.

58. РГИА ДВ. Ф. Р-2413, оп. 4, д. 1744, л. 111—111об.

59. ГАХК. Ф. П-2, оп. 4, д. 364, л. 13.

60. С 1 апреля 1930 г. в штате ЦРК числился китайский инструктор, но ввиду болезни, вплоть до октября того же года проработал в общей сложности не более 3-х недель. Замены инструктора не было (ГАХК. Ф. П-2, оп. 4, д. 364, л. 12об).

61. Бу Цзюньчжэ. Указ. соч. С. 34; ГАЧО. Ф. П-75, оп. 1, д. 807, л. 13; Ф. Р-204, оп. 1, д. 13, л. 597—597об.

В 1929 г. в результате слияния 6-ти пимокатных и кожевенных артелей была образована артель “Восход”, в которой насчитывалось 160 китайцев и 90 русских, она стала одной из крупнейших артелей Кустпромсоюза. В артели “Восход” инструкторами работали 4 китайца и 3 русских (ГАЧО. Ф. П-75, оп. 1, д. 796, л. 7).

62 Там же. Д. 796, л. 17.

63. ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 82, л. 75—76.

64. ГАХК. Ф. П-2, оп. 11, д. 29, л. 183.

65. Там же. Д. 99, л. 108—110.

66. Хотя китайцы и корейцы составляли значительную по численности группу в 2820 чел. (49,3%), небезынтересно отметить, что, например, в 1928 г., до событий на КВЖД, удельный вес кустарей-восточников в системе промкооперации края достигал 67% (ГАХК. Ф. П-2, оп. 9, д. 73, л. 10).

67. Фактически же к 1 января 1931 г. количество восточников в промкооперации ДВК снизилось с 2820 до 2715 чел., одной из главных причин наблюдавшейся текучки, по отзывам самих кустарей, было отсутствие возможности совершать денежные переводы зарплаты за границу, в Китай (ГАХК. Ф. П-2, оп. 9, д. 73, л. 11—12).

68. ГАХК. Ф. Р-688, оп. 1, д. 8, л. 24—26.

69. ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 82, л. 108.

70. ГАХК. Ф. П-44, оп. 1, д. 598, л. 66.

71. Если в 1926 г. в ДВК насчитывалось 72 005 чел. китайского населения, то в 1937 г. — 24 589 чел. (Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы XX в. Владивосток, 2000. С. 66).

72. ГАХК. Ф. П-44, оп. 1, д. 598, л. 46.

73. Там же. Д. 26, л. 46—47.

74. Там же. Л. 29, 44.